

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО

DOI: 10.17805/zpu.2022.1.15

Риски «дистанционности» в информационную эпоху

Е. Э. СУРОВА

Военная академия связи им. Маршала Советского Союза С. М. Буденного

В статье рассматриваются проблемы формирования «общества риска» в условиях активного развития сетевых взаимодействий в информационном обществе. Идея «разрыва», «раскола» цивилизации обретает в связи с этим принципиально новый характер и формирует тенденцию дистанционности, порождающую новые угрозы. Ключевые проблемы обнаруживаются в идентификационной практике, создающей новый режим «самоотчуждения» как построения Самости в виртуальном пространстве. Но если идентификационный режим меняется, это затрагивает и важнейшие социальные институты, такие, например, как армия и система образования. К числу значимых при идентификационном кризисе рисков прежде всего нужно отнести ценностную дезориентацию, бинарность и двойственность социокультурных процессов, ориентацию на выбор и оценку стилей жизни, повышение уровня негативной эмоциональности и т. д.

В целом речь идет о реструктуризации общественной жизни, при которой порядок угроз закономерно разрастается, при этом мы можем наблюдать и высокий позитивный потенциал происходящих изменений. Это касается прежде всего стимулирования творческой и познавательной активности индивида за счет доступности в условиях сетевой культуры новых взаимодействий и большей по объему дифференцированной информации.

Ключевые слова: общество риска; идентификация; кластеризация; информационное пространство; виртуальное пространство; медиа; сеть

ВВЕДЕНИЕ

Еще в 1986 г. У. Бек, один из наиболее серьезных исследователей глобализационных процессов, написал книгу «Общество риска. На пути к другому модерну» (Бек, 2000). В ней был поставлен ряд интересных вопросов, которые в новых условиях по прошествии более 30 лет оказываются актуализированы, хотя и при других обстоятельствах. Речь идет об изменении порядка границ, которые все более перестают быть непроницаемыми: «От бедности можно защититься границами, от опасностей атомного века — нельзя» (там же: 1). Буквально несколькими строками ниже автор задается следующим вопросом: «Можно ли держать в карантине целые страны и группы стран? Не начнется ли в них хаотическое брожение?» (там же: 1) Для человечества исчезает ощущение защищенности, везде и во всем царит опасность. Как полагает автор, порядок угроз, рациональное предварительное представление о которых практически отсутствует в сознании людей, очень высок, их направления покрывают всю сферу повседневной жизни человека, делая его

беззащитным перед ними. Реакция на них при этом может быть различна в диапазоне от паники до отрицания опасности. Формируется «система угроз», покрывающая социальную, экономическую, культурную и политическую сферы. Представления о нормах «ставятся с ног на голову», и неопределенной становится сама система координат, позволяющая выносить какие бы то ни было оценки. У. Бек видит за этим сформировавшийся миф о «вершине модерна», «конце истории» и т. д. Этот миф обладает внутренней противоречивостью, где на одной стороне располагается представление о прогрессе как радикальном позитивном изменении действительности, по пути которого движется человечество, а на другой стороне — незабываемость представлений эпохи Просвещения как единственно возможных. Данное противоречие ставит под сомнение все устои и ценности идеологии прогресса, включая научные истины: «Идти по следу новых понятий, которые уже сегодня возникают в процессе распада старых, — нелегкое занятие» (там же: 6). По сути, рушится мир XIX и XX вв., а основным производством в любых сферах становится производство рисков, усиливающееся развитием информационной системы, т. е. доступностью информации о фактах и о степени рисков. Информационная система при этом рассматривается как основание политической, и ее данные интерпретируются через призму «пропагандизма» (представлений о различных заинтересованностях, прежде всего военной, привластной и финансовой).

В связи с вышесказанным алогичность представлений, по сути, приводит к заметному исчезновению «общественной мысли» как целостного основания для формирования мировоззрения, одним из симптомов чего является суждение о «конце истории», антропологическом финале с «исчезновением человека» и т. д. Но дело не в том, что сама мысль оказывается невостребованной, просто она бесконечно дробится и девальвируется, стирая границы «профессионализма» и позволяя каждому желающему самовыражаться по отношению к «цивилизационным рискам» в их бесконечном постоянном продуцировании¹. Особенно остро процессы начинают протекать под воздействием информатизации, создающей дистанцию между реальным/виртуальным и действительным.

Итак, мы полагаем значимым в статье обратиться к «обществу риска» в условиях, когда оно, интенсивно разворачивая и переживая масштабность и число угроз, «отодвигает границы», пытаясь сформировать «дистанцию» как защиту от них, но в конце концов производит удвоение угроз в условиях «пограничья». В то же время дистанция формирует и реальность виртуального, что определяет новое пространство возможностей информационного общества при формировании новой идентификационной программы для человека.

РАЗРЫВ СОЦИАЛЬНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

ПРИ ФОРМИРОВАНИИ НОВОЙ ИДЕНТИФИКАЦИОННОЙ ПРАКТИКИ

Информационное пространство не нуждается в систематизации фактов, но требует их постоянного производства и выстраивания «поисковых режимов», связывает все со всем, глобализируя само представление о знании, в котором отсутствуют раз и навсегда установленные достоверности. Нет истины — нет и рациональности, возникают также бесконечно воспроизводящиеся информационные риски, ставящие под сомнение авторитетность науки как таковой, особенно учитывая, что интересы ученого и обывателя часто не совпадают. Это напоминает историю о «Муми-тролле и комете» финской писательницы Туве Янссон, когда профессор-

астроном может рассказать все о комете и то, когда она прилетит, но его не интересуют последствия стихийного бедствия, которые более всего волнуют героев книги. Здесь мы как раз видим то, что У. Бек называет «потенциалом катастроф», разводящим по разные стороны «научную и социальную рациональности» и обесценивающим науку как таковую. Хотя вопрос о социальной рациональности сравнительно нов, а его качества меняются. По этому поводу можно вспомнить ту же эпоху Просвещения и «рождение клиники», описываемое М. Фуко (Фуко, 1998), когда под гуманизмом подразумевалось отнюдь не трепетное отношение к больному и сопереживание ему, а прямой интерес к «физиологии болезни». Больной вызывал интерес не как человек, а как тело, а болезнь привлекала не столько возможностью лечения, сколько выявлением ее естественных оснований. В XX столетии гуманизм радикально меняет свои основания (как и антигуманизм), а при изменяющейся сегодня социокультурной практике закономерно появляется и следующая его стадия (превращающая все сферы «служения», в том числе медицину, педагогику и армию, в сферы «услуг»). Именно в этот момент идея «разрыва», характеризующая противоречивость социокультурной практики, превращается в идею «дистанции».

Вообще, «разрыв» стал одной из важнейших проблем глобализационной эпохи, как и риски, он предполагает бесконечное разнообразие вариантов: между богатством и бедностью, между формами веры («раскол цивилизаций»), между различными стилями жизни и профессиональными представлениями и т. д. Человечество постоянно ощущает угрозу, прежде всего своей целостности, что и настораживает по отношению к пугающей, но еще несостоявшейся событийности. Любая возможная ситуация обретает «врагов» до ее осуществления, поскольку вместе с «концом истории» мы получили развитую прогностику. В условиях информационной эпохи «разрыв» превратился в «дистанцию», начиная с противопоставленности идентификационных программ: Я-действительного и Я-сетевого. Об этой проблеме обстоятельно писала философ А. А. Лисенкова в работе «Трансформация социокультурной идентичности в цифровом пространстве» (Лисенкова, 2021).

Речь в книге идет о том, что индивид презентует себя в сети по определенным правилам, поскольку последующая репрезентация предполагает отсыл к Другому, также определяемому по-новому в виртуальной среде. Таким образом, сеть формирует запросы на взаимодействие «Я — Другой», представляя их через поисковые механизмы. Формат, воспринимаемый данными механизмами, предполагает устойчивое накапливание инвариантных, мобильных моделей (образов), в границах которых аккумулируются и артикулируются ценности и порядки нормативной репрезентации. Но их подвижность и отчетливость жестких границ столь высоки, что коммуникация утрачивает устойчивость «контакта», поскольку организуется в условиях «ускользающей» идентичности. Последняя при высокой динамике социокультурных процессов, попадает в ситуацию «одновременности», когда индивид перманентно меняет свою идентичность, поскольку является членом многих групп. Но для полноценности идентичности человеку нужна некоторая устойчивость, что формирует «брендированную идентичность», которая «сочетает в себе уникальные индивидуальные черты с типологизированными приемами узнавания и запоминания, так называемыми технологиями брендинга» (Лисенкова, 2021: 89). В социальных медиа «брендированная идентичность» успешно поддерживается тем, что автор именуется «силой слабых связей», отсылая к концепции М. Грановет-

тера о высокой значимости предварительных и контекстуальных взаимодействий индивидов (Грановеттер, 2009).

Основой идентификации в современном мире выступает информация, одновременно становясь основным ресурсом культуры, изменяя представление о пространстве и времени и создавая «виртуальную идентичность», ярче всего выраженную в «брендовой идентичности». В таких условиях данный новый феномен соединяет уникальное с типизированным, формируя презентационную стратегию «узнавания», прежде всего визуального, и определяет основание собственного существования через мифологизированную виртуальную образность. При этом возникает определенное отчуждение Я от Я-Другого, а индивид мыслит себя и как действительное существо, и как ряд исполняемых ролей, создавая образы, полноценность которых определяется ситуацией. Основания ролевых практик в то же время в достаточной мере свободны, позволяя индивиду пренебрегать устойчивостью социально-идентификационных норм: возрастных, гендерных, статусных, профессиональных и т. д. Для различных сетевых групп (не обязательно виртуальных) наш современник будет применять подходящие для осуществления адаптивных целей модели презентации и репрезентации или же самостоятельно их конструировать (чаще компилировать). При этом в норме индивид отчетливо различает реальную и виртуальную реальность, что позволяет отличать сетевое Я, конструируя его как желаемое и привлекательное, при этом достаточно легко «подгоняемое» под изменяющуюся ситуацию. Это позволяет создавать персональный проект жизни, создающий прецедент внутренней практики отчуждения реализованного воображаемого, что не исключает переживаний новых форм «телесных» удовольствий, например персонажа в сетевой игре.

Но за данными очень интересными, а часто и продуктивными процессами определяются и новые риски. В частности, возникает определенное дистанцирование между «практиками Я», что, с одной стороны, приводит к некоторой личностной дезориентации, особенно учитывая, что сетевое пространство кластеризовано, т. е. предполагает персонализацию групповых проектов, с другой стороны, принципиально влияет на границы представлений реальности. В первую очередь это касается нормативно-ценностных ориентаций конкретного человека. Находясь в образе Я-Другой, особенно ярко представленном в сетевом взаимодействии, где «имя и лицо» могут быть, по сути, любыми, индивид демонстрирует высокий уровень активности, поскольку выступает «под маской», и данная агрессивность отнюдь не всегда выливается в позитивные творческие процессы. Достаточно большая часть сетевых персонажей проявляет высокий уровень негативной активности, выражаемый, например, в таком явлении, как «троллинг». Существует и риск «выплескивания» данной агрессии в действительность (хотя редко, поскольку индивид стремится избежать дискредитации в действительной жизни), что уже неоднократно наблюдалось в пространстве мировой культуры (прежде всего это касается потери представления о границах реальностей, в частности для игроков различного порядка, когда виртуальное действие, обладающее «обратимостью», переносится в повседневную практику буквальных взаимодействий)².

Более чем в практике обычного взаимодействия, коммуникация в сети базируется на доверии к Другому, хотя его идентификация имеет характер взаимной проективности. Но далее мы и обнаруживаем опять противоречие, «разрыв», поскольку при этом важным фактором в презентации и репрезентации Я выступает «вирту-

альная лживость», воспринимаемая как норма, позволяющая мобильно выстраивать соответствующий/востребуемый в определенной ситуации с определенными целями легко прочитываемый образ. Это медиаигра, которая при взаимной полноценности игроков способствует успешной коммуникации. Но за той же практикой «превращенной идентичности» рождаются риски неуверенности более слабых или уставших игроков, что может привести к ряду негативных тенденций, прежде всего девиантных форм поведения. Индивид стремится уйти от взаимодействий с людьми, заменив их игровыми, а также находя поддержку не у близких, а в поисковых ответах на запросы. В виртуальной среде также существует определенная угроза падения уровня интеллектуального развития и общекультурных компетенций, поскольку «простота» взаимодействий часто не требует затрат на «развитие кругозора», хотя часто предполагает при этом «компетенции» иных, совершенно различных порядков. То есть конструирование идентичности в медиaprостранстве является сложным процессом, избегающим завершенности, спонтанным и интерактивным, что также может предполагать расширение в дальнейшем возможных рисков.

РИСКИ «ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ» И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ КРИЗИС

В целом наш современник существенно поменял свое отношение ко времени и сформировал стратегию «нового консерватизма», заключающуюся в тотальном скепсисе по отношению ко всему новому, при этом рассматривая его в порядке «неизбежности зла». Причем консерватизм отчетливо проявляется и в виртуальном пространстве, которое обладает высокой гибкостью и поливариантностью, но именно он видится определенным средством борьбы с рядом угроз. Одновременно представление о прогрессе никуда не ушло, что сопровождается идеей разнонаправленности процессов, отнюдь не обязательно ведущих по пути улучшения жизни: утопии и фантастике все время сопутствует антиутопия. Такие антиутопии, как «Мы», «1984» или «Незнайка на Луне», — все представлялись как результаты происходящих изменений, а пессимизм стал доминирующей позицией, позволяющей также осуществлять «превращение представлений», например, выраженных в житейской мудрости: «Пессимист полагает, что хуже не будет, а оптимист радостно провозглашает: нет, будет, будет!»³ В продуктах современного искусства, например кинематографе, мы часто наблюдаем то же неоднозначное видение ситуации, где варианты «спасения» и «счастья» постоянно присутствуют, но скорее как локальные варианты, при сохранении масштабности угроз, не снимающихся даже при наличии фигуры Спасителя, Большого Другого и т. д. Как, например, в культовом сериале «Доктор Кто», где, несмотря на то что Земля находится под защитой Повелителя Времени, ее безопасность постоянно подвергается все новым испытаниям, а сама фигура Доктора оказывается не совсем неуязвимой. Что уж тут говорить, если расхожим постмодернистским мотивом выступает девиз «Бог умер».

Новые формы восприятия обретают все более эмоциональный характер, что также вызвано «отчуждением» от реальности, характерным для сетевой среды. В первую очередь, они формируются у той части населения, которую называют «молодежью», хотя речь отнюдь не идет о возрастной или поколенческой категории, здесь распределение происходит по линии активной включенности в инновационные процессы или пассивности по отношению к ним. Если еще лет 20 назад речь могла идти именно о новом поколении, выросшем в условиях особого техно-

логического режима, когда «старшее поколение» принципиально отставало и с трудом адаптировалось к условиям цифрового общества, то сейчас и адаптация проходит легче, и активное поколение, которому было около 30, сейчас уже перешло планку «за 50». А если учесть, что в социокультурном пространстве выработались и механизмы оптимальной адаптации к новым технологическим режимам («обновлениям»), то и для представителей как более почтенного возраста, так и совсем юной аудитории активность в сетевой среде возросла. На данный момент мы можем наблюдать принципиально другую тенденцию, когда межпоколенческий разрыв в сети начинает исчезать по тем же самым причинам, что и увеличивающийся возраст, например геймеров. Вопрос о возрасте в сети поднимается сейчас преимущественно тогда, когда активист виртуального пространства в ответ на чью-либо попытку его поучать, отвечает: «Ты это моим внукам расскажи!» Возможно, существуют еще те топосы в Интернете, где аудитория пока не успела вырасти, но у них все впереди. Поэтому правильнее было бы говорить о «молодежи в сети» как образе, а не возрастной группе. Интересным явлением, обнаруживаемым сегодня и особенно заметным в Интернете, становится «кидалт» (от англ. kid alt — взрослый ребенок). Речь идет об успешных взрослых людях, увлекающихся тем, что связывается в нашем восприятии с «миром детства»: сказки, мультфильмы, игрушки и пр., порождая специфическое мировосприятие, отнюдь не подразумевающее инфантилизм, а скорее, открытость по отношению к реальности, воспринимаемой буквально («А король-то голый!»), без посредничества стереотипных долженствований⁴. Поэтому понятие «молодежь» скорее превращается в метафору, связанную с включенностью в актуальный виртуальный режим.

Одно из самых активных представлений о молодежи, например, относится к обществу геймеров. Стоит упомянуть среди них весьма пожилых дам, наиболее известной из которых является Барбара Хиллер (Barbara St. Hilaire), но можно назвать многих других: в 2006 г. в 81 год умерла Дорис Селф, одна из первых возрастных игроков, в 2012 г. 100 лет отмечали знаменитой британской геймерше Кэтлин Конне, на данный момент в Книге рекордов зафиксирована Хамако Мори, 91 год. И это уже давно не исключения. Если говорить об отечественном геймерском пространстве, то тут возраст помоложе, тем не менее достаточно большое количество игроков «за 60». Например, 63-летняя Анна Сандалова из Искитима в Новосибирской области, выйдя на пенсию, увлеклась играми и начала на этом зарабатывать, сейчас у нее весьма востребованный канал на YouTube. Можно привести еще множество примеров, но действительно геймеров старше 50 лет очень много и, что закономерно, становится все больше. Все приведенные примеры — женщины, но, конечно, можно привести в пример и мужчин. В виртуальных сообществах различной направленности также весьма активны люди, чей возраст давно перевалил за 40, поэтому «молодежь» в сети представляет также определенную «брендованную идентичность». Принадлежность к сетевым сообществам поэтому будет осуществляться исходя из разделяемости интересов, компетентности и активности в реализации совместного проекта и принятии определенного дискурса. Но такая идентичность таит в себе также ряд рисков, вызванных дистанцированием от позиции действительного Я. Это может привести к игровой зависимости, потере связи с реальностью и одиночеству, утрате «чувства границ» и «обезличиванию себя», особенно в ситуации высокой динамики в смене сетевых «лиц», реализации в жизни агрессивных игровых стратегий и пр.

Таким образом, исходной для всех других форм рисков, вызванных тенденцией к дистантности, является идентификационная. Риск — это еще несостоявшееся событие, но потенциально несущее угрозы. Поэтому все новое мыслится как опасное и вызывает настороженность и поиск угроз, что вызывает заведомо негативную агрессию со стороны индивида. В то же время угрозы позволяют манипулировать представлениями, вызывая в восприятии оппонента ощущение негативного потенциального воздействия со стороны любой власти (политической, экономической, медицинской, научной, образовательной и т. д.), что чревато ущемлением (действительным или мнимым) прав и свобод индивидов и групп. Например, отчетливо формируется тенденция к толерантности при гротескности ее форм и росте «нетерпимости к нетерпимости», или за новым изобретением, позволяющим решать возникающие в обществе проблемы, видятся непредсказуемые последствия, прочитать которые не представляется возможным, а значит, таящим в себе опасность, что вызывает протест.

Страх перед угрозами, которые обрели некоторые очертания, оказывается столь высок, что приводит к использованию заведомо опасных возможностей решения, что мы прекрасно видим в тех мерах, которые применяются в мировом масштабе, например при борьбе с эпидемией. Но еще больше паники вызывает представление о том, что последующие (еще неизвестные) риски будут ужаснее. То есть каждый новый шаг в жизни человечества рассматривается сегодня как несущий тотальную угрозу, что выражается в панике, «демократично» охватывающей все население планеты⁷. Если птичий грипп или вирус Эбола зачастую воспринимались как медиавирусы, то ковид стал основанием пандемической паники, порождающей лавинообразно разнонаправленные медийные потоки.

ВЫБОР СТИЛИСТИКИ ЖИЗНИ

Информационное поле создает иллюзию «включенности» и компетентности всех во всем. В то же время индивид оказывается в ситуации ощущения своей незначительности, что приводит к безответственности, а также производит явление «обобщенного Другого», имеющего некоторую, хотя и не безусловную, авторитетность. В противоположность этому рождается новая общность «человека» (термин А. А. Зиновьева), для которого представленность взаимодействий с «ближним кругом» наиболее важна и вызывает существенную активность «пользователя», оставляя стратегию потребления позади, фундаментально ее трансформируя. Парадоксы современной ситуации приводят к тому, что пессимизм становится новым оптимизмом, да и любая система оценок требует бесконечного пояснения, поскольку попадает в «режим относительности». Еще у У. Бека мы встречаем высказывание о различных формах жизни, которые позволяют формировать общность представлений у групп индивидов. М. Кастельс исходит из наличия различных, выбираемых индивидом «стилей жизни», предполагающих определенный набор доступных жизненных стратегий (Кастельс, 2000: 390), ранее М. Маклюэн говорил о специфике глобальной эпохи с точки зрения возможностей «выбора традиций» (Маклюэн, 2003: 114). Можно вспомнить и еще ряд мыслителей, писавших о стратегически разных жизненных практиках. Сегодня же ситуация смещается в более радикальное русло. Так, существует глобальный ритм жизни, характеризующий «человека мобильного», в противоположность которому рождается стратегия «медленной жизни», наиболее ярко проявившаяся в ита-

льянской и норвежской современных культурных практиках (например, норвежское «медленное кино»), в явлении дауншифтинга и др. Это явление «тормозит» современный поток реальности, позволяя насладиться каждым моментом. Именно в идеологии «медленной жизни» дистантность присутствует в минимальном объеме в противоположность тенденциям «отчуждения» в иных жизненных практиках.

То есть в современную информационную эпоху мы встречаем достаточно гибкую систему представлений о возможностях выбора стилистики жизни и сосуществования с «иными». Но, несомненно, острое представление об «иных формах жизни» мы встречаем в работе Грегуара Шамаю «Теория дронов» (Шамаю, 2020). В данном исследовании речь идет о буквальном восприятии «иных» как врагов, а инаковость происходит из нестандартного поведения индивида или группы и выходит за пределы стереотипных поведенческих «раскладов» повседневности, хотя может допускать отклонения рационального порядка. Что самое страшное, происходит «расчеловечивание» представления, поскольку у Шамаю речь идет о конкретной практике дистанционной войны, где «иная форма жизни» подлежит уничтожению, а ее маркирование имеет сугубо формальный характер.

ЦЕННОСТНЫЙ КОНФЛИКТ В УСЛОВИЯХ ДИСТАНЦИОННОСТИ

В связи с тенденцией «расчеловечивания» вопрос о дистанционности в различных областях современной жизни становится достаточно актуальным в последние десятилетия, поскольку влечет за собой новые и весьма разнообразные риски. В ситуации войны и деятельности современных армий он удовлетворяет требование обеспечения безопасности личного состава, хотя порождает длинный ряд сопутствующих проблем.

Здесь уже вопрос встает не столько о времени, сколько о пространстве, которое различается как «враждебная» и «безопасная» зоны, формируя «асимметричные» и гибкие границы. Удаленность территориального порядка обеспечивается дронами, которые воспринимаются как «божественное око», позволяющее отслеживать «правильность» жизненных практик и выявлять нарушения, интерпретируемые как угроза и маркирующие «иные жизненные формы» (потенциально или реально подлежащие уничтожению). Нарушение «правильного поведения» определяется в тотальной слежке за индивидами (известными или случайными). За счет выявления порядков взаимодействия в персональном и территориальном режиме (маршрутизация жизни) происходит идентификация индивида для последующего маркирования. Речь идет в первую очередь об антитеррористической войне, ведущейся с помощью новых технологий. Как отмечает автор, здесь схватка заменяется охотой, а государство присваивает себе право преследования (захват заменяется контролем, а оккупация — технологиями), что в первую очередь относится к деятельности североамериканских военных. Формируется специфический ценностный конфликт вокруг идеи «права на жизнь и ее защиту», когда «жертва», по сути, из самого представления исключена и может даже не подозревать об угрозе (в связи с ошибками она может вообще оказаться случайной). Оператор дрона при этом конструирует «игровую ситуацию», последовательно посягает на все ценности, которые составляли основание армии как социального института, да и на фундаментальные ценности общества в целом: «Дроны — это оружие государственного терроризма» (там же: 77). В данной ситуации рассмотрение вопросов о «Добре и Зле», по мнению Г. Шамаю, превращается в «риторику». Но это то, что касается

ся внешнего взгляда на введение данных стратегий. Сложное положение в связи с дистанционным инструментарием (дронами) возникает и в функционировании самих вооруженных сил. Контроль за ситуацией осуществляют операторы, которые автономны и самостоятельно принимают решение, что нарушает положение о единоначалии и субординации в принятии и выполнении решений. Война превращается в подобие компьютерной игры, в которой операторы зарабатывают «рейтинги», а не проявляют «доблесть». Такая стратегия обещает борьбу «без потерь и поражений», транслируя «миф о неуязвимости», но не предполагает победу, обеспечивая лишь «бесконечность насилия».

РИСКИ ДИСТАНЦИОННОСТИ В ОБРАЗОВАНИИ

Современная армия, таким образом, существенно трансформируется вслед за требованиями соответствия скорости изменений, что по логике вещей должно изменить систему управления и включить в него дистанционный порядок. Но мы имеем дело с самым консервативным социальным институтом, поэтому, хотя тенденции, уничтожающие ценностные основания военной деятельности и сильны, в большинстве направлений деятельности армии перемен нет, причем до такой степени, что это выходит за любые представления о рациональности. По крайней мере, мы это видим на примере отечественного военного образования, для которого «разрыв» между, с одной стороны, инновационными процессами в технике и сознании военнослужащих обеспечивает возможность существования вооруженных сил в условиях современных практик, с другой стороны, размах ограничений на использование технологических средств дезориентирует самих военнослужащих. Этот фактор снижает в целом адаптивность к современным условиям ведения войны, для которой важнейшим фактором, по мнению, например, британского кибернетика Стаффорда Бира (Бир, 1965), является восприятие скорости изменений, а также полицентричность организации социальных систем и самоорганизация ее «узлов». Если для отечественной армии в целом вопрос об инновациях до определенной степени решается, то в военном образовании, особенно в новых условиях пандемии возникает патовая ситуация. Так, требования дистанционности в современных военных вузах встречает большое число препятствий. Это и неподготовленность специальных «платформ» в отсутствие возможности использовать публичные интернет-ресурсы, и психологическая неподготовленность преподавателей и учащихся, а также многое другое. Еще одним фактором, снижающим, например, успешность обучения у курсантов, является ухудшение психологической обстановки при установлении карантинных мер в «закрытом коллективе». Причем возможности снижения напряжения только ухудшаются, поскольку дезориентация характерна уже не только для курсантов, но и для офицеров и преподавателей. Например, в условиях отсутствия доступа к сетевым ресурсам, а также невозможности выйти «в город» при проведении мною практических занятий по предмету «Культурология» делает сомнительной работу в аудитории при ознакомлении с институтами культуры и музеями Санкт-Петербурга (надо сказать, что до пандемии практика проходила либо как занятия в Эрмитаже, либо в форме квестовых занятий по городскому историческому маршруту). Попытка же введения дистанционных занятий в условиях военного вуза была заведомо обречена на провал. При наличии технических возможностей дистант подразумевал лишь наличие учащихся в отдельной от преподавателя аудитории (в связи с требованиями информа-

ционной безопасности преподаватель должен был находиться на территории вуза). Но, кроме того, специфика самой аудитории курсантов и направленность образовательного процесса, подразумевающего в весьма существенной степени стратегии воспитания, доминирующие над информированием, заведомо сводила на нет результаты таких занятий⁶. Поэтому вопрос о дистанционном образовании в данной сфере был, по сути, снят.

В ряде других направлений в сфере высшего образования также обнаружилась частичная или полная невозможность проведения дистанционного обучения, например в медицинских и творческих специальностях. Если говорить о ряде более успешных вариантов дистанционного преподавания, то здесь результаты тем не менее также не безусловны. Во-первых, принципиально положительные результаты здесь возможны лишь для части «зрелых» студентов, обладающих высоким уровнем мотивации. Во-вторых, в образовательных практиках существенную роль играет опыт наставничества, т. е. непосредственная передача знаний и навыков. В-третьих, на преподавателей легла невероятная по масштабам нагрузка (онлайн-консультирование, дополнительные подготовки презентаций, наглядных материалов и пр.), снявшая сам вопрос о границах рабочего времени, что не могло не повлиять на качество профессионального самовоспроизводства, а точнее, на занятия научной деятельностью (что усугубляется в отечественных условиях дополнительными требованиями рейтинговых порядков, новой отчетности и т. д.) Таким образом, для существенной части студенческой аудитории уровень получаемого образования и степень адаптации в высшей школе оказались нулевыми. Есть и ряд других моментов, характеризующих, например, таким сюжетом, взятым из сетевых ресурсов: «Обсуждаем с начальницей-деканом второй год обучения в дистанционном формате. Разговор о второкурсниках, проживших все это время в зуме, и только сейчас вышедших на нормальное обучение. Друг друга толком не знают, преподавателей дичатся и т. д. и т. п. Декан (задумчиво): мне кажется, что скоро увижу, как они и нас будут стараться “закрыть”, как скучный сайт (делает смахивающее движение)»⁷. Но это еще разговор о взрослых людях, в средней школе «тяжесть» обучения затронула уже не только педагогов, но и родителей, вынужденных учиться вместе с детьми, особенно когда речь шла о начальной школе.

Безусловно, у дистанционных форматов можно найти и плюсы, но неудачи видны существенно ярче, что требует при малейшей возможности возвращаться в офлайн-режим взаимодействия. В образовании опыт дистанционной практики принес некоторые положительные результаты, позволив создать дополнительные «базы» для получения заинтересованными учащимися новых возможностей. Так, крупнейшие музеи мира создали виртуальные проекты высокого качества, возникли дистанционные ресурсы дополнительных образовательных практик, решающих проблемы пространственно-временного характера, и т. д. Но в целом система образования, ориентированная на наставничество и передачу опыта, успешно функционировать может только в прямом режиме. Существенным риском в образовании становится утрата «прямого» взаимодействия с наставником, что сводит на нет саму идею обучения (включающего вопрос о воспитании) и передачи традиции, за этим следует риск утраты профессиональной зрелости и полноценности у выпускников, дальнейшей трансляции знаний, разрушения корпоративных связей и т. д.

Образовательный процесс в современном вузе должен предполагать не только широкую эрудированность в области актуальных культурных практик, но и разви-

тие у обучающихся способностей к полноценному анализу процессов, разворачивающихся в культуре, а также возникающих рисков и угроз для отечественной традиции. При этом «разрыв», характерный для современных социокультурных процессов, по отношению к традиции выполняет сложные функции, причем чаще всего негативно влияя именно на сохранение и поддержание устойчивых порядков, поскольку, как мы уже упоминали, ориентирован на постоянное «обновление». Но это приводит к интенсивному развитию «новой традиционности», ориентированной как раз на изменения, точнее, на размеренность процессов трансформации, создающие в свою очередь специфический вариант устойчивости. Дистанционный режим поддержания традиций все более формализует представления о ключевых, например национальных, «точках» (отсчета или «перерасчета»). Он ориентирован на динамику образности, имеющей глокальный, т. е. достаточно противоречивый, характер. Ярче всего риски поддержания привычных порядков проявляются по отношению к масштабным позициям «титальной» традиционности, поскольку актуализируется кластерный режим представлений, формирующий «калейдоскопичность» ценностной системы групповых взаимодействий.

РИСКИ СЕТЕВОГО ЧЕЛОВЕКА

Дистанционность породила новые области компетенций, привела к развитию экономических, социальных, политических и культурных практик. Но одновременно наметила и ряд проблемных зон, прежде всего связанных с идентификацией индивида в новой среде и адаптацией к ней. Здесь возникли и современные риски, вызванные бурным формированием медиасреды.

В информационном обществе развиваются различные формы коммуникации, но на протяжении XX столетия лидируют по своей значимости СМИ, что и приводит к росту информационных потоков. При этом последние радикально меняются с появлением новых коммуникативных технологий и средств связи. Интернет-пространство не только производит информацию вовне, но и определяет позиции внутри себя. И в рамках данных изменений трансформируются структурные основания фундаментальных представлений человека о реальности, а именно пространстве и времени. Появляется «человек сетевой», определяемый, по выражению Кастельса, «реальной виртуальностью» (Кастельс, 2000: 504) с неравномерностью информационных потоков и ценностно-идентификационных координат. Здесь возникает и свой опыт потребления, когда потребляется не вещь, а ее ценность, престижность в глазах окружающих. Более того, трансформируется практика потребления, обладающего демонстративностью, а также меняющая характер индивида, стимулирующая все большую активность, что позволяет говорить о нем уже как о «пользователе».

Индивид в современной реальности окружен социокультурными сетями, располагающимися как в виртуальном, так и в действительном режиме. Переключение режимов во многом зависит от использования медиа. Наиболее очевидно это в ситуации массовой коммуникации, где значение традиционных СМИ принципиально снижается, но тотально возрастает коммуникация «всех-со-всеми» и появляются новые каналы и адресаты сообщений. Каждый репостящий, лайкающий и т. д. включен в единый гипертекст. Блоггерство и ряд других новых форм интернет-деятельности начинают лидировать в производстве массового контента. В то же время каждый пользователь производит собственный контент и его потребляет, со-

здавая свой виртуальный мир. Такой «активист» выступает от лица не профессионалов, а любителей, но, занимая освободившееся место, он формирует новый принцип презентации работы в медиaprостранстве со стороны «любителя-профессионала».

Риски, связанные с глобализацией и универсализацией культуры, предполагают повышенное внимание к сохранению культурных традиций. При этом угроз в современной культуре для отечественного национального наследия, в том числе духовного, напрямую влияющего на формирование индивида, все больше. Это и колоссальные потоки информации, дезориентирующие человека; и определенное доминирование западной культуры с ее специфическими приоритетами и ценностями, что вытесняет российскую традицию на второй план, снижая привлекательность; недостаточно высокие конкурентоспособность и профессионализм отечественных институтов культуры, за исключением отдельных мест, например таких, как Эрмитаж, и т. д. В связи с пережитым в 1990-е гг. кризисом и неустойчивыми социокультурными процессами возникли новые сложные проблемы в национальной и этнической идентификации населения всех регионов России (кризис «титульной нации»), усугубившиеся в ходе глобальных миграционных процессов. Также на вышеперечисленные проблемы наложился новые, появившиеся во время пандемии, а также нарастающего экономического кризиса и формирующейся тенденции «дистанционности» во всех областях жизни человека. К этому можно добавить также низкий уровень профессионализма СМИ и в целом медиасферы. Причем это только общее направление проблем, которые можно бесконечно дробить на частные.

Мы сталкиваемся с потоком постоянно обновляемой информации, «энциклопедизация» которой оказывается невозможной; на смену ей приходит «практика википедии», создание ресурсов, имеющих справочный характер, но не гарантирующих авторитетность «модераторов», что вызывает необходимость формирования новых принципов «проверки»: необходимым становится создание рейтинговых систем, поисковиков и т. д. Но здесь опять же мы встречаемся с отсутствием «прямой преемственности» в культуре, а следовательно, с посредничеством и дистанционностью, создающими новые границы для восприятия, в конечном итоге, снижающими качество «знания» в обществе в целом, а в дальнейшем дезориентирующими индивида, для которого авторитетность Другого становится все более иллюзорной. Борьба с рисками и проблемами в условиях развития данных тенденций порождает новые риски в еще большем масштабе. Причем реальность угрозы удается идентифицировать лишь при ее осуществлении, до того момента мы имеем дело только с общим паническим «пророчеством катастроф». Неуверенность человека при таком раскладе сил возрастает, приводя к переоценке ценностей, установлению персональных и ситуативных приоритетов и т. д.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Но в целом риски дистанционного взаимодействия начинают формировать новый миф «чрезвычайного положения», когда даже элементарная событийность мыслится как надвигающаяся опасность, например в предупреждениях МЧС об усилении ветра, снегопадах, понижении или повышении температур и пр. Предвещая нарастание данных тенденций в переживании рисков (в современных условиях дополненных рисками дистанционности), У. Бек обозначил важнейшую проблему

современности как «конец больших социальных групп», что мы и наблюдаем сегодня в социокультурном пространстве, выстраивающем кластерные порядки взаимодействий, персоналистскую «Мы-идентификацию», организацию вокруг представимого достаточно конкретно проекта и т. д. Но замечательный немецкий социолог не отметил лишь того, что здесь мы наблюдаем реструктурирование социокультурной практики. И это влечет за собой, безусловно, ряд кризисных моментов, рисков и угроз, но имеет и высокий положительный потенциал, позволяя компактным группам успешно реализовывать конкретные проекты за счет высокого уровня порядков самоорганизации. При этом индивид в достаточной мере свободно выбирает ролевую позицию, стилистику, степень «включенности» во взаимодействие, а также одновременно может участвовать в ряде проектов, начинать и прекращать деятельность и т. д. Такая гибкость взаимодействия обеспечивает возможность максимально комфортных возможностей для самореализации человека, проявления его креативности, а также стимулирует дальнейшее развитие коммуникативных и творческих потенциалов человека. Возможность дистанционно участвовать в проектах расширяет их число, а также предоставляет больший объем дифференцированной по конкретной деятельности информации и т. д.

Как мы уже отмечали, ключевые проблемы группируются вокруг идентификационных процессов, что закономерно при изменении форм общественных взаимодействий. Но при этом риски дистанционности сетевого пространства создают принципиально больше позитивных перспектив (в отличие от проблем дистанта в традиционных сферах общественной жизни), которые отчасти уже реализуются на наших глазах.

Безусловно, мы не обсудили все проблемы, возникающие в условиях формирования рисков дистанционности в современном информационном обществе. Достаточно интересно разворачиваются процессы трансформации представлений и организационных ресурсов, например, в сфере искусства. Но если посмотреть на сущность самих тенденций и процессов, то они достаточно целостны и однонаправленны, что позволит при желании рассмотреть иные сферы социокультурных практик в том же ключе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Как пример, одно из сетевых высказываний: «Есть большая группа людей, обладающая истиной, они знают все про происходящее в мире. Они пытаются поделиться этим с остальным человечеством, каждый рассказывает несколько раз в день случайным людям про явления и процессы, объясняя странные случаи и выявляя причины. Но им никто не верит, потому что они таксисты». *Bush.im* — Цитатник Рунета. URL: <https://bash.im/index/3426;#467785>, 17.11.2021 в 10:11 (дата обращения: 17.12.2021).

² Обычно агрессия в сети сохраняется в форме текста, но уже неоднократно мы встречаем сообщения о выплеске таковой в реальную жизнь. Это касается и «стрелок» у подростков, хотя редко, зато в полном объеме встречается в «родительских чатах», что приводит все чаще к конфликтам в действительной жизни.

³ Комментарий у респондентов в сети: «Недалекое будущее во дворе каждого строящегося жилого комплекса — роддом, садик, школа, кладбище... Хотя, если удаленка прочно войдет в нашу жизнь, некоторые звенья цепи можно и выкинуть». *ВКонтакте*. URL: <https://vk.com/slivkin1971> (дата обращения: 16.12.2021).

⁴ Мультипликация как интереснейший жанр современного искусства вообще дает обильный материал для размышлений. С одной стороны, это «иконичность» кадра, о кото-

рой писал, например, М. Маклюэн в «Галактике Гутенберга». С другой стороны, богатая метафоричность, позволяющая, как и в ряде других явлений из «мира детства», говорить просто и напрямую о самых острых и сложных вопросах («Тараканище» К. И. Чуковского). В качестве примера можно здесь привести также высказывание из цитатника Рунета: «xxx: Ишь чего захотели — пиджак с карманами. За такое чудо раньше животное домашнее приобрести можно было.xxx: Я знаю, я мультфильм смотрел». Bush.im — Цитатник Рунета. URL: <https://bash.im/search;#467730>, 12.11.2021 в 10:11 (дата обращения: 17.12.2021).

⁵ У. Бек писал о демократической направленности «общества риска»: «Нужда иерархична, смог демократичен» (Бек, 2000: 24).

⁶ По сути, единственная возможность рассказать о Петербурге в аудитории сводилась к нарративу преподавателя и показу «картинок».

⁷ Bush.im — Цитатник Рунета. URL: <https://bash.im/search?text=обсуждаем+c+начальницей-деканом;#466284>, 14.07.2021 в 8:46 (дата обращения: 17.11.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бек, У. (2000) Общество риска: На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция. 383 с.

Бир, С. (1965) Кибернетика и управление производством / пер. с англ. В. Я. Алтаева; под ред. А. Б. Челюсткина; с предисл. А. И. Берга. 2-е изд., доп. М.: Наука. 392 с.

Грановеттер, М. (2009) Сила слабых связей // Экономическая социология. №10. С. 31–50.
Кастельс, М. (2000) Информационная эпоха / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкарата-на. М.: ГУ ВШЭ. 608 с.

Лисенкова, А. А. (2021) Трансформация социокультурной идентичности в цифровом пространстве. Пермь: ПГИК. 286 с.

Маклюэн, М. (2003) Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры / пер. с англ. А. Юдина. Киев: Ника-Центр. 432 с.

Фуко, М. (1998) Рождение клиники / пер. с фр., науч. ред. и предисл. А. Ш. Тхостова. М.: Смысл. 310 с.

Шамаю Г. (2020) Теория дронов / пер. с фр. Е. Блинова. М.: Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж». 280 с.

Дата поступления: 18.12.2021 г.

RISKS OF “REMOTENESS” IN THE INFORMATION AGE

E. E. SUROVA

MILITARY ACADEMY OF COMMUNICATIONS NAMED AFTER MARSHAL OF THE SOVIET UNION S. M. BUDYONNY

The article deals with the problems of the formation of a “risk society” under the conditions of the active development of network interactions in the information society. The idea of a “break”, a “split” of civilization acquires a fundamentally new character in this regard and forms a trend of remoteness that generates new threats. The key problems are found in the identification practice, which creates a new mode of “self-alienation” as the construction of the Self in the virtual space. But if the identification regime changes, it also affects the most important social institutions, such as, for example, the army and the education system. Among the significant risks in the identification crisis, first of all, it is necessary to include value disorientation, binary and duality of social and cultural processes, orientation to the choice and assessment of lifestyles, an increase in the level of negative emotionality, etc.

In general, we are talking about the restructuring of public life, in which the order of threats naturally grows, while we can observe a high positive potential of the ongoing changes. This concerns, first of all, stimulating the creative and cognitive activity of an individual due to the availability of new interactions and more differentiated information under the conditions of network culture.

Keywords: risk society; identification; clustering; information space; virtual space; media; network

REFERENCES

- Bek, U. (2000) *Obschestvo riska: Na puti k drugomu modernu* / transl. from German by V. Sedel'nik and N. Fedorova. Moscow, Progress-Traditsiia. 383 p. (In Russ.).
- Bir, S. (1965) *Kibernetika i upravlenie proizvodstvom* / transl. from English by V. Ia. Altaev ; ed. by A. B. Cheliustkin; preface by A. I. Berg. 2nd ed., suppl. Moscow, Nauka. 392 p. (In Russ.).
- Granovetter, M. (2009) Sila slabykh svyazei. *Ekonomicheskaiia sotsiologiiia*, no. 10, pp. 31–50. (In Russ.).
- Kastel's, M. (2000) *Informatsionnaia epokha* / transl. from English; ed. by O. I. Shkaratan. Moscow, State University — Higher School of Economics. 608 p. (In Russ.).
- Lisenkova, A. A. (2021) *Transformatsiia sotsiokul'turnoi identichnosti v tsifrovom prostranstve*. Perm', Perm State Institute of Culture. 286 p. (In Russ.).
- Makliuen, M. (2003) *Galaktika Gutenberga: Solvoreniiie cheloveka pečatnoi kul'tury* / transl. from English by A. Iudin. Kiev, Nika-Tsentr. 432 p. (In Russ.).
- Fuko, M. (1998) *Rozbdenie kliniki* / transl. from French, ed. and preface by A. Sh. Tkhostov. Moscow, Smysl. 310 p. (In Russ.).
- Shamaiu, G. (2020) *Teoriia dronov* / transl. from French by E. Blinov. Moscow, Ad Marginem Press, Garage Museum of Modern Art. 280 p. (In Russ.).

Submission date: 18.12.2021.

Сурова Екатерина Эдуардовна — профессор, доктор философских наук, профессор Военной академии связи имени Маршала Советского Союза С. М. Буденного. Адрес: 194064, Россия, г. Санкт-Петербург, Тихорецкий пр., д. 3. Тел.: +7 (904) 330-70-29. Эл. адрес: esurova2005@mail.ru

Surova Ekaterina Eduardovna, Professor, Doctor of Philosophy, Professor, Military Academy of Communications named after Marshal of the Soviet Union S. M. Budyonny. Postal address: 3, Tikhoretsky Ave., St. Petersburg, Russian Federation, 194064. Tel.: +7 (904) 330-70-29. E-mail: esurova2005@mail.ru

DOI: 10.17805/zpu.2022.16

Искусственный интеллект как инструмент формирования личности в системе образования и социальных сетях

Э. Ф. МАКАРЕВИЧ

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В статье рассматривается проблема формирования личности в условиях становления искусственного интеллекта в системе образования в форме персонализации обучения и обучения навыкам. Следствием этого является разделение образования на фундаментальное и компетентностное, компьютерное (массовое) и «человеческое», значит, эли-